

**Задание для проведения регионального этапа
Всероссийской олимпиады школьников по литературе**

10 класс (два варианта на выбор региона)

1 вариант. Комплексный анализ рассказа А.И. Герцена «Трагедия за стаканом грога»

2 вариант. Сопоставительный анализ стихотворений А.В. Кольцова «Горькая доля» и А.К. Толстого «Исполать тебе, жизнь – баба старая...»

1 вариант
А.И. Герцен

ТРАГЕДИЯ ЗА СТАКАНОМ ГРОГА

Тебе, друг мой Тата,
дарю я этот рассказ
в память нашего свидания
в Неаполе.

28 сентября 1863 г.

Очерки, силуэты, берега беспрерывно возникают и теряются, - вплетаясь своей тенью и своим светом, своей ниткой в общую ткань движущейся с нами картины.

Этот мимо идущий мир, это проходящее, все идет я все не проходит - а остается чем-то всегдашним. Мимо идет, видно, вечное - оттого оно и не проходит. Оно так и отражается в человеке. В отвлеченной мысли - нормы и законы; в жизни - мерцание едва уловимых частностей и пропадающих форм.

Но в каждой задержанной былинке несущегося вихря те же мотивы, те же силы, как в землетрясениях и переворотах, - и буря в стакане воды, над которой столько смеялись, вовсе не так далека от бури на: море, как кажется.

...

Я искал загородный дом. Утомившись одними и теми же вопросами, одними и теми же ответами, я взошел в трактир, перед которым стоял столб, и на столбе красовался портрет Георга IV - в мантии, шитой на манер той шубы, которую носит бубновый король, в пудре, с взбитыми волосами и с малиновыми щеками. Георг IV, повешенный, как фонарь, и нарисованный на большом железном листе, - не только видом напоминал путнику о близости трактира, но и каким-то нетерпеливым скрежетом петель, на которых он висел.

Сквозь сени был виден сад и лужайка для игры в шары,- я прошел туда. Все было в порядке, - то есть совершенно так, как бывает в загородных трактирах под Лондоном. Столы и скамьи под трельяжем, раковины в виде руин, цветы, посаженные так, чтоб вышел узор или буква; лавочники сидели за своими столами с супругами (может быть, не с своими) и тяжело напивались пивом, сидельцы и работники играли шарами - тяжести и величины огромного пушечного ядра, не выпуская из рта трубки.

Я спросил стакан грогу, усаживаясь в стойло под трельяжем.

Толстый слуга в очень истертом и узком черном фраке, в черных и лоснящихся панталонах приподнял голову и вдруг, как обожженный, повернулся в другую сторону и закричал: "Джон, водки и воды в восьмой номер!" Молодой, неловкий и рябой до противности малый принес поднос и поставил передо мной.

Как ни быстро было движение толстого служителя, но лицо его мне показалось знакомо; я посмотрел, - он стоял спиной ко мне, прислонясь к дереву. Фигуру эту я видел... но, как ни ломал себе голову, вспомнить не мог; удрученный, наконец, любопытством и улучив минуту, когда Джон побежал за пивом, - я позвал слугу.

- Yes, sir!¹ - отвечал спрятавшийся за дерево слуга, и, как человек, однажды решившийся на трудный, но неотвратимый поступок, как комендант, вынужденный

---

¹ Да, сэр! (англ.)

сдать крепость, - он бодро и величественно подошел ко мне, несколько помахивая грязной салфеткой.

Эта величественность и показала мне, что я не ошибся, что я имею дело с старым знакомым.

...Три года тому назад останавливался я на несколько дней в одном аристократическом отеле на Isle of Wight². В Англии эти заведения не отличаются ни хорошим вином, ни изысканной кухней, а обстановкой, рамами и - на первом плане прислужгой. Официанты в них совершают службу с важностью наших действительных статских советников прежнего времени - и современных камергеров при немецких задних дворах.

Главным Waiter'ом в "Royal Hotel"³ был человек неприступный, строгий к гостям, взыскательный к живущим, он бывал снисходителен только к людям, привычным к отельной жизни. Новичков он не баловал и вместо ободрения - взглядом обращал назад дерзкий вопрос: "Как могут котлета с картофелем и сыр с латуком стоить пять шиллингов?" Во всем, что он делал, была обдуманность, потому что он ничего не делал спроста. В градусе поворота головой и глазами и в тоне, которым он отвечал "Yes, sir", можно было до мелочи знать лета, общественное положение и количество издерживаемых денег господина, который звал.

Раз, сидя один в кабинете с открытым, окном, я его спросил, позволяют ли здесь курить. Он отступил от меня к двери - и, выразительно глядя на потолок, он сказал мне голосом, в котором дрожало негодование:

- Я, sir, не понимаю, sir, что вы спрашиваете?

- Я спрашиваю, можно ли курить здесь? - сказал я, поднимая голос, что всегда удается с вельможами, служащими в Англии за трактирным, а в России за присутственным столом.

Но это был не обыкновенный вельможа, - он выпрямился, но не потерялся, а отвечал мне с видом Каратыгина в Кориолане:

- Не знаю, в мою службу, сэръ, этого не случалось, таких господ не бывало, - я справлюсь у губернатора⁴...

Не нужно и говорить, что "губернатор" велел меня за такую дерзость конвоировать в душный smoking room⁵, куда я не пошел.

Несмотря на гордый нрав и на постоянно бдящее чувство. Своего достоинства и достоинства "Royal Hotel", главный Waiter сделался ко мне благосклонен, и этому я обязан не личным достоинствам, а месту рождения - он узнал, что я русский. Имел ли он понятие о вывозе пеньки, сала, хлеба и казенного леса, я не могу сказать, - но он положительно знал, что Россия высылает за границу огромное количество князей и графов и что у них очень много денег. (Это было до 19 февраля 1861 года.)

Как аристократ по убеждениям, по общественному положению и по инстинктам, - он с удовольствием узнал, что я русский. И, желая поднять себя в моих глазах и сделать мне приятное, он как-то, грациозно играя листком плюща, висевшего над дверью в сад, обратился ко мне с следующей речью:

- Дней пять тому назад я служил вашему великому князю, - он приезжал с ее величеством из Осборна.

- А!

- Ее величество, His Highness⁶ кушали лэнч⁷, ваш эрчдюк⁸ - очень хороший молодой человек, - прибавил он, одобрительно закрывая глаза, и, ободрив меня таким образом, поднял серебряную крышку, под которой не простывала цветная капуста.

---

² острове Уайт (англ.).

³ официантом в "Королевском отеле" (англ.)

⁴хозяина (от англ. governor).

⁵ курительный зал (англ.)

⁶ Его величество (англ.)

Когда я поехал, он указал мизинцем дворнику на мой дорожный мешок, - но и тут, желая засвидетельствовать свою благосклонность, схватил мою записную книжку и сам ее донес до кэба. Прощаясь, я ему подал гафкрону⁹ - сверх взятого за службу, он ее не заметил, и она каким-то чародейством опустилась в карман жилета - такой белизны и крахмальной упругости, которых мы с вами не допросимся у прачки...

- ..Ба! - сказал я, сидя в стойле трактирного сада, служителю, подававшему мне спичку, - да мы старые знакомые!..

Это был он.

- Да, я здесь, - сказал Waiter - и вовсе не был похож ни на Каратыгина, ни на Кориолана.

Это был человек, разбитый глубоким горем; в его виде, в каждой черте его лица выражалось невыносимое страдание, человек этот был убит несчастьем. Он сконфузил меня. Толстое румяное лицо его, откормленное до арбузной упругости и полноты мясами "Royal Hotel'я", висело теперь неправильными кусками, обозначая как-то мускулы в лице; черные бакенбарды его, подбритые на пол-лице, с необыкновенно удачным выемом к губам, одни остались памятником иного времени.

Он молчал.

- Вот не думал... - сказал я чрезвычайно глупо. Он посмотрел на меня с видом пойманного на деле преступника и потом окинул глазами сад, деревянные скамьи, пиво, шары, сидельцев и работников. В его памяти, очевидно, воскресал богатый стол, за которым сидели русские эрцдук и ее величество, за которым стоял он сам, благоговейно нагнувшись и глядя в сад, посаженный по кипсеку и вычищенный, как будуар... воскресала вся столовая, с ненужными вазами и кубками, с тяжелыми, толстыми шелковыми занавесами, - и его собственный безукоризненный фрак воскресал, и белые перчатки, которыми он держал серебряный поднос со счетом, приводившим в уныние неопытного путника... А тут - гам играющих в шары, глиняные трубки, плебейский джинватер¹⁰ и вечное пиво draft¹¹.

- Тогда, sir, было другое время, - сказал он мне, - а теперь другое!..

- Waiter, - закричал несколько подгулявший сиделец, стуча оловянной стопкой по столу, - пинту гафа-наф¹² да скорее, please!¹³

Мой старый знакомый взглянул на меня и пошел за пивом, - в его взгляде было столько унижения, стыда, презрения к себе, столько помешательства, предшествующего самоубийству, что у меня мороз пробежал по жилам. Сиделец стал расплачиваться медью, я отвернулся, чтобы не видеть лишней пенс.

Плотина была прорвана, - ему хотелось сказать мне что-нибудь о перевороте, низвергнувшем его из "Royal Hotel'я" в "Георга IV". Он подошел ко мне, без моего зова, и сказал:

- Я очень рад вас видеть в полном здоровье.

- Что нам делается!

- Как это вам вздумалось прогуляться в наши захолустья?

- Дом ищу.

- Домов много, вот тут, пройдя шагов десять направо, да еще другой. А насчет того, что со мной случилось, это, точно, замечательно.

Все, что я заработал с малых лет, все погубило, - все до фартинга... Вы, верно, слышали о типерарском банкротстве - именно тут-то все и погубило. Я в газетах,

---

⁷ завтрак (от.англ. lunch)

⁸ Великий князь (от англ. archduke)

⁹ полкроны (от англ. half crown)

¹⁰ водка (от англ. ginwater)

¹¹ дешевое пиво (англ.)

¹² пополам (половину пива, половину водки) (от англ. halfand-half)

¹³ пожалуйста! (англ.)

прочитал, сначала - не поверил, бросился, как поврежденный, к солиситору¹⁴ - тот говорит:

"Оставьте всякое попечение, вы не спасете ничего, а только последнее израсходуете, - вот, например, мне за совет потрудитесь шесть шиллингов шесть пенсов отдать".

Ходил я, ходил по улицам - день целый ходил, - думаю, что ж тут делать, со скалы да и в море - самому утопиться - да и детей утопить, - я даже испугался, когда их встретил. Слег я больным - это в нашем деле первейшее несчастье, - через неделю воротился к службе, - разумеется, лица нет, а внутри словно рана не дает покоя. - Говернор раза два заметил: что вид у меня печальный, что сюда, мол, не с похорон ездят, гости не любят печальные физиономии. А тут середь обеда я уронил блюдо, - отроду подобного случая не бывало, - гости хохочут, а содержатель вечером отзывает меня в сторону и говорит: "Вы уж себе поищите другое место, - у нас нельзя служить неводержному человеку".

- Как? - говорю я, - я был болен. - Ну, так и лечитесь, - а здесь для таких места нет.

Слово за слово, пошло крупно, - он мне в отместку ославил по всем отелям пьяницей и буйном. Как ни бился, нет места, - переменил я имя, как какой-нибудь вор, и стал искать хоть на время место, - нет как нет; между тем все, даже серьги и брошка жены - ей их подарила герцогиня, у которой она жила четыре года в должности *Urperlady-maid*¹⁵, - все пошло на крючок. Пришлось закладывать платье - это у нас первая вещь - без платья ни в одно хорошее заведение не примут. Служил я иногда во временных буфетах и в этой бродячей жизни совсем обносился, - я и сам не знаю, как меня принял хозяин "Георга IV", - и он взглянул с отвращением на свой старый фрак. - Кусок хлеба Могу для детей заработать, и жена... она теперь... - он приостановился, - она стирает на других, не надобно ли вам, sir, вот карточка... она очень хорошо стирает. А прежде никогда... никогда... она... ну, да что толковать, - где же нищим выбирать работу. Лишь бы милости не просить, - а только тяжело...

Слеза, дрожавшая на реснице, блеснула и капнула на его грудь, уже не покрытую жилетом из лубка или латуни с белой эмалью.

- Waiter! - кричали с другой стороны.

- Yes, sir!

Он ушел, и я тоже.

II

Такой искренней, разрушающей боли я давно не видал. Человек этот явным образом подавался под тяжестью удара, разрушившего его существование, и, конечно, страдал не меньше всех падших величин, прибываемых со всех сторон к английскому берегу...

Не меньше?.. Да полно, так ли? Не больше ли в десять, во сто раз страдал он, чем Людвиг-Филипп, например, живший возле "Георга IV"?

Крупные страдания, перед которыми обыкновенно останавливаются целые столетия, пораженные ужасом и состраданием, большею частью достаются крупным людям. У них бездна сил и бездна врачеваний. Удары топора в дуб раздаются по целому лесу, раненое дерево стоит себе, потряхивая верхушкой, - а трава грядой падает, подрезанная косой, и мы, не замечая, топчем ее ногами, идучи за своим делом. Я нагляделся на столько несчастий, что сознаю себя знатоком, экспертом в этом деле, и потому-то у меня перевернулось сердце при виде обнищавшего слуги, - у меня, видевшего столько великих нищих,

¹⁴ стряпчему, поверенному (от англ. solicitor)

¹⁵ старшей горничной (англ.)

...Знаете ли вы, что значит везде, и особенно в Англии, слово нищий - beggar, произнесенное им самим? В этом слове заключается все: средневековое отлучение и гражданская смерть, презрение толпы, отсутствие вакона, судьи... всякой защиты, лишение всех прав... даже права просить помощи у ближнего...

...Усталый, оскорбленный, возвращался этот человек в свою конуру из "Георга IV", преследуемый своими воспоминаниями, с своей открытой раной в груди, - и там его встречала старшая горничная герцогини, сделавшаяся, по его милости, прачкой. Сколько раз, должно быть, бессильный, чтоб наложить на себя руки, то есть покинуть детей на голодную смерть, он искал облегченья у единого утешителя бедных и страждущих, у джина, у оклеветанного джина, снявшего на себя столько бремени, столько горечи и столько жизней, - которых продолжение было бы одно безвыходное страдание, одна боль в невидимой мгле...

...Все это очень хорошо - да почему этот человек не стал выше своего несчастья? В сущности, быть напыщенным лакеем в "Queen's Hotel" или скромным половым "Георга IV" - разница не бог знает какая...

- Для философа, - но он был трактирным слугой, в их числе редко бывают философы, - я помню только двух: Езопа и Ж.-Ж. Руссо, - да и то последний в молодых годах оставил свою профессию. Впрочем, спорить нельзя, гораздо было бы лучше, если б он мог стать выше своей беды, - ну а если он не мог?

- Да зачем же не мог?

- Ну, уж это вы спрашивайте у Маколея, Лингар-да и прочее... а я вам лучше когда-нибудь расскажу о других нищих.

Да, я знал великих нищих - и потому-то, что я их знал, я и жалею слугу в "Георге IV", - а не их.

2 вариант

А.В. Кольцов

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу,-
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою -
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит гниет...

1837

А.К. Толстой

Исполать тебе, жизнь - баба старая,
Привередница крикливая,
Что ты, лаючись, накликнулась,
Растолкала в бока добра молодца,
Растрепала его думы тяжкие!
Что ты сердца голос горестный
Заглушила бранью крупною!

Да не голос один заглушила ты -
Заглушила ты тот гуслирный звон,
Заглушила песни многие,
Что в том голосе раздавались,
Затоптала все божьи цветики,
Что сквозь горести пробивались!

Пропадай же, жизнь - баба старая!
Дай разлиться мне по поднебесью,
Разлететься душой свободною,
Песней вольною, бесконечною!

1859